

Дж. Г. КЕЛЛОГ

Посещение павловской лаборатории

Весенним утром 1907 г. я и доктор Джемс Кэз находились в Петербурге, с нетерпением ожидая часа, когда мы сможем быть приняты в лаборатории всемирно известного физиолога И. П. Павлова, чьи изумительные открытия путем экспериментов на животных уже в течение нескольких лет привлекали внимание научного мира и произвели подлинную революцию в учении физиологов, касающемся пищеварительных функций, а также в практике клиницистов, имеющих дело с широкой шкалой пищеварительных расстройств.

Павловские методы работы были в то время малоизвестны в Америке, хотя отчеты о них появлялись в заграничных изданиях, и многие ведущие американские гастроэнтеропеды радикально изменили методы лечения своих пациентов. Например, в случаях лечения гиперхлоргидрии было общепринято в практике предписывать почти исключительно мясную диету. Излечения не наступало, но пациенты временно чувствовали облегчение благодаря нейтрализации избыточной кислоты большим приемом белка. Открытие Павлова о том, что тощее мясо и мясные экстракты действуют как мощные стимуляторы желудочных желез, указало на ошибочность этой практики, и некоторые прогрессивные врачи тотчас же изменили свои предписания, однако прежняя нерациональная методика питания мясом и сейчас не полностью прекращена.

Нас в высшей степени сердечно приняли в лаборатории, и вскоре мы усердно записывали все, что слышали и видели там. Доктор Павлов любезно проинструктировал своих ассистентов, чтобы каждый из них продемонстрировал нам и специально интересный метод, и операцию. Программа каждого следующего дня разрабатывалась накануне; таким образом, благодаря нашему доброжелательному хозяину нам была предоставлена ис-

ключительная возможность познакомиться с работой, которая изумила весь мир своим блеском и оригинальностью.

Я специально интересовался работой Павлова о так называемом аппетитном желудочном соке (appetite juice).

В свой первый утренний визит в лабораторию я увидел 10 собак, усиленно работавших на производстве желудочного сока, поступавшего затем в продажу с терапевтической целью. Каждая собака должна была выделить ежедневно 1 л желудочного сока, который после фильтрации разливался в бутылки и посылался в Германию, где он продавался по хорошей цене, составляя существенный источник дохода.

Собаки, использованные в этом ложном кормлении, были в прекрасном состоянии, как и все собаки, которых я видел в лаборатории. Казалось, что они принимают участие в различных экспериментах с охотой и радостью. Очевидно, они любили своих сторожей и профессоров, использовавших их в эксперименте и обращающихся с ними неизменно с величайшей ласковостью. Особенно любили они проф. Павлова и выражали большую радость и удовольствие, как только его замечали.

Знакомясь с работой в павловской лаборатории, я особенно отметил исключительно деликатную и тщательную технику оперирования. Животные подготавливались с тем же большим вниманием к стерилизации, как будто это были люди. Поистине, в европейских клиниках, которые мне довелось посещать, я не наблюдал столько предупредительных мер при операциях человеческих желудков. Эта утонченная техника является, без сомнения, главным условием успеха работы Павлова и представляла собой новое направление в экспериментах над животными. Я помню, как однажды, вернувшись домой, я продемонстрировал ныне покойному проф. Г. П. Боудичу методику Павлова в создании малого желудочка и как он был удивлен той тщательностью, с которой были приняты меры для избежания инфекции, и отметил, что никогда не видал применения такой трудоемкой техники в хирургии животных. У меня сложилось впечатление при его замечании, что такая тонкая техника в операциях над животными была совершенно незнакома в нашей стране и считалась ненужной.

В период нашего визита доктору Павлову было 58 лет, но он выглядел моложе. В движениях он был быстр, как стрела, очень оживлен и демонстративен в разговоре, время от времени раздражался веселым смехом. Это было как раз время удачного начала его экспериментов с условными рефлексам, и он был так поглощен своей работой, что не мог говорить ни о чем другом.

Однажды он попросил нас сопровождать его, сказав, что хочет показать нам что-то «très intéressant, très intéressant», — и устремился куда-то с такой скоростью, что нам потребовалось некоторое усилие, чтобы не отстать от него. Он привел нас в комнату, где один сотрудник сидел за столом, на котором находился великолепный пес со слюнной фистулой. К удивлению профессора, слюна начала течь почти сразу, когда мы вошли в комнату. На вопрос к сотруднику последовало объяснение. Профессор только что кормил мясной пищей другую собаку и недостаточно тщательно вымыл руки. Он тотчас же вышел и вскоре вернулся. Тем временем истечение слюны прекратилось. Минуту спустя, когда мы стояли так тихо, что почти перестали дышать, сотрудник, не производя какого-либо движения, замеченного нами, подал резкую музыкальную ноту. И тотчас потекла слюна. Это было наше первое знакомство с условными рефлексами.

Объясняя важность и значение новых фактов, которые раскрыл эксперимент и которые, видимо, поглощали полностью все его время и энергию, Павлов был очень воодушевлен. С этого времени его исследования в этом направлении, дополненные наблюдениями многих других экспериментаторов, послужили основанием для понятных объяснений многих неясных до этого времени мозговых и нервных явлений и для совершенно новой и рациональной психологии.

Приглашение к обеду в дом д-ра Павлова дало нам возможность встретиться с г-жой Павловой, очаровательной женщиной, редкие качества ума и характера которой в немалой степени, без сомнения, способствовали успеху удивительной карьеры ее супруга. Г-же Павловой пришлось разрешать необычные проблемы и преодолевать необыкновенные трудности. Немалый труд быть женой блестящего гения, как Иван Павлов, человека, полностью увлеченного работой и так поглощенного ею, что у него не оставалось времени ни для обыкновенных житейских дел, ни для мыслей о собственных нуждах. Мне сказали, что он никогда сам не покупал себе одежды и не занимался теми мелкими домашними делами, обычно называемыми домашней работой. Г-жа Павлова сказала мне на чистом немецком языке: «Mein Mann ist nur ein Knabe, nur ein Knabe» («Мой муж — это мальчик, только мальчик») и добавила: «Он заботится только о своей лабораторной работе, он не обращает внимания ни на что иное. Он ни к чему другому не способен. Er ist nur ein Knabe!» В это время Павлов стоял в некотором отдалении, разговаривая с только что прибывшим д-ром Бенедиктом, и жестикулировал, как

политический оратор. Когда Павлов говорит, то не только голосом, но и мимикой стремится выразить свои мысли. Глаза его горят, мускулы лица непрестанно играют, изменяя ежесекундно выражение лица. Если бы он не был ведущим физиологом мира, он легко мог быть величайшим драматическим актером.

Терпение, такт, самоотверженная преданность, пронизательность, приспособляемость и здравый смысл, необходимые супруге такого удивительного, из ряда вон выходящего характера, как И. П. Павлов, были присущи г-же Павловой и ставили ее рядом с супругом на ту высоту, куда любовь и признание ученого мира поставили его самого.

Основной причиной моего первого визита в Петербург было желание ознакомиться из первых рук с важными фактами, раскрытыми павловской методикой исследования, и с новейшими последними достижениями. Организуя и развивая работу в санатории Баттл-Крик, мы постоянно имели перед собой цель, чтобы физиологические факты и принципы лежали в основе всех применяемых нами методик исследований. Было совершенно невозможно сочетать устаревшие идеи в отношении пищеварения с клиническими открытиями, и поэтому в этот период в желудочно-кишечной терапии царили самые хаотические представления. Открытия Павлова прекрасно подошли к физиотерапевтической философии и оказали новую и существенную поддержку развитию рациональной диетической системы.

Я старался по возвращении домой сохранить связь с Петербургской лабораторией и до известной степени использовал павловские экспериментальные методы с большой пользой для нашей работы. Именно поэтому я был счастлив (при содействии д-ра Верион Л. Келлога) обеспечить осенью 1922 г. участие в нашей работе д-ра В. Н. Болдырева, старейшего и очень опытного павловского сотрудника, который покинул Россию во время войны и приехал в Америку через Японию, где он в течение 2 или 3 лет был занят организацией и руководством экспериментальных лабораторий.

10-летний опыт д-ра Болдырева в качестве ассистента проф. Павлова в его исследовательских работах и как профессора-ассистента физиологии в Петербургской военно-медицинской академии создали ему как раз такую квалификацию, которая требовалась для организации лаборатории, в которой работы Павлова, особенно относящиеся к пищеварительным функциям, могли быть продолжены и в некоторых направлениях расширены. Таким образом, когда проф. Павлов посетил нас здесь в 1923 г., мы с большим удовлетворением смогли ему представить

его старого ассистента, а также показать лабораторию, где были использованы его гениальные и плодотворные методы исследования. Санаторий в Баттл-Крик имел честь целую неделю принимать знаменитого ученого и его сына, который его сопровождал и был его переводчиком, свободно говоря по-английски, а также по-французски и по-немецки. В это же время Павлов встречался со многими ведущими физиологами Мичигана и на расширенном собрании физиологов доложил о своем любимом предмете: «Новые исследования по условным рефлексам». Его лекция была прочитана с большой силой и подъемом и вызвала напряженное внимание аудитории.

Павлов — человек потрясающей физической силы и жизнелюбности. Сейчас, на восьмидесятом году, он все еще и умственно и физически активен и в нем малозаметна инвалидность, которая обычно постигает людей его возраста. Его прекрасное физическое состояние может быть объяснено его умеренными привычками. Он не употребляет ни спиртного, ни табака и поддерживает сердце и легкие в превосходном состоянии благодаря физическим упражнениям на свежем воздухе. Во время войны он испытал большие трудности и лишения, но перенес все с терпением и удивительной стойкостью, полностью сохранив свои умственные способности и физическую силу. И хотя время все же не прошло бесследно за эти 20 лет, его ассистенты, наблюдающие ежедневно работу ученого в его лаборатории, а также ученые, слушающие его научные доклады по условным рефлексам и другим разделам нервной физиологии, единодушно свидетельствуют о хорошо сохранившейся мощи его докладов и о силе, почти страстности изложения.

Недавний визит проф. Павлова в нашу страну, возможно последний, принимая во внимание, что ему 80 лет, был триумфальным шествием, когда от одного собрания ученых он переходил к другому. Он был принят повсюду с такими овациями и уважением, какие редко выпадали на долю ученых всех времен. Присужденная много лет назад Нобелевская премия была признанием великих заслуг его перед наукой, но широкая публика только сейчас начинает узнавать его имя и оценивать свой долг перед этим самоотверженным человеком, вся жизнь которого была неуклонно посвящена исканию истины и улучшению жизни человечества.

Вернувшись в Европу, Павлов был с большим восторгом принят в Лондоне, в Королевском медицинском обществе, президент которого лорд Даусон Пенн высказался следующим образом: «Разрешите обратить ваше внимание на то, что я считаю наибо-

лее важным на нашем празднике. Движимые одним общим чувством, выдающиеся люди всех стран провозгласили Павлова своим героем. Этот русский гений в годы своего расцвета заложил для нас фундамент большей части наших знаний о пищеварительных процессах и проложил пути для лечения желудочно-кишечного тракта. После этого настала война и революция, мы потеряли его из виду и одно время боялись, что он ушел из жизни.

Но Павлов сохранил светоч знания неугасимым, и вот он снова появился среди нас в эти дни, эта героическая фигура — ныне старый годами, но по-прежнему юный духом, сообщающий нам о результатах своих терпеливых исследований в лекциях по «условным рефлексам», дающий миру мыслителей новые указания».

<1929>

